

УДК 070:271.2(470.345)
DOI: 10.17223/26188422/3/4

С.К. Шайхитдинова

**ЖУРНАЛИСТ В ДИСКУРСЕ СМИ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ИЛИ ПОЗИЦИЯ? (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО
СПОРА ВОКРУГ ИНТЕРВЬЮ СЕРГЕЯ ГУРКИНА
И СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ)**

Обосновывается необходимость различения типов субъектности на медиа-поле: СМИ в большинстве своем представляют системную субъектность агентов идеологических дискурсов; работники редакций подчинены этой тенденции, однако есть авторы, которые проявляют субъектность рациональных акторов с выраженной личностной позицией. Как разные типы субъектности проявляются в медиатекстах, показано на примере информационного спора вокруг интервью Сергея Гуркина и Светланы Алексиевич. В качестве эксперта Общественной коллегии по жалобам на прессу нами было подготовлено заключение по данному конфликту, оно легло в основу статьи.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, субъектность, личностная позиция, жалобы на прессу, скандал

Одна из характерных тенденций формирования постсоветской медиасферы – вытеснение журналистики из СМИ. Этот процесс от первых его проявлений в 1990-е постперестроечные годы зафиксирован во многих работах – в сборниках статей, материалах конференций, в наблюдениях практиков. Самая общая причина такого положения дел определяется как «растаскивание» СМИ по разным дискурсам, которые и начинают диктовать свой порядок [1]. Действующие руководители газет высказывают пожелание, чтобы практиканты приходили в редакции не творцами, а работниками. Продолжая эту тему, Борис Лозовский отмечает, что если исходить из того, что творчество – это деятельность человека, направленная на создание культурных и материальных ценностей, то журналистика не создает ценности. Она творит действительность. Результат журналистского творчества – в создании иной, отличной от реальной картины мира [2. С. 31]. Здесь уместно сослаться на теоретиков, которые подтверждают заявленную

широту возможностей автора, владеющего риторическим инструментарием. Эту широту обеспечивает современная медиасфера, безграничная и влиятельная. Автор в ней «оказывается не столько автором текста, сколько автором картины мира» [3. С. 6]. Возникает вопрос, чем тогда журналист отличается от рядового пользователя Сети, если оба имеют практически равные шансы творить свою картину. Учебники по журналистике указывают на общественный интерес, обязательную социальную значимость журналистской информации. Б. Лозовский, полемизируя с А. Тертычным, который придает важное значение социальной позиции журналиста, говорит о том, что, к несчастью, в нынешней практике СМИ этот фактор занимает третьестепенную роль в иерархии ценностей профессии [2. С. 33].

Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, является чуть ли не главным в перечне причин, почему журналистика с ее критическим осмыслением реальности уходит из СМИ и ищет другие площадки. Институт журналистики пережил в своей истории периоды, когда именно благодаря гражданственности отдельных журналистов пресса служила рупором для общества. Это время прошло, но потребность в людях с позицией осталась. Очевидно, в нас, кроме традиции, поддерживаемой революционным наследием, сильна еще и традиция, поддерживаемая наследием филологическим. Русская литература и публицистика учат, что слово автора имеет вес не только в конкретной коммуникативной ситуации, оно бывает весомо в масштабах исторической, культурной тенденции. Отечественная этикоцентристская культура чтит автора с социальной позицией и делает это своеобразным способом: ему, если что, больше всех и достается.

В стремлении разобраться в особенностях проявления позиций отдельного журналиста в дискурсе средств массовой информации, которые уже не воспринимаются «рупором общества», нами введены такие характеристики агентов медиаполя, как «рациональная субъектность» и «системная субъектность». Опираясь на социологию социального пространства Пьера Бурдьё, мы связываем субъектность с совокупностью распределения разных видов капитала и собственных ресурсов актора [4]. Субъектность «сознательного», «рационального» субъекта указывает на то, что актер способен и склонен не только ощущать различия в социальных диспозициях, но и признавать их как значимые, задевающие его интересы [4 С. 25]. Мы исходим из того, что субъектность такого рода характеризует журналистику как дея-

тельность по продвижению интересов гражданского населения в публичном пространстве. «Системная субъектность» агента определяется «объективно», по его позиции в отношениях, институционализованных в устойчивых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах [4. С. 17]. Согласно нашей гипотезе чертами такого рода субъектности обладают прежде всего медиаорганизации, в ряд которых включены СМИ. Очевидно, что обозначенные типы субъектности нормативно проявляют себя по-разному. Иногда они усиливают друг друга, и тогда можно говорить о некоем балансе информационных интересов, а иногда вступают в противоречие.

Данный подход был апробирован нами в рамках первого этапа исследования «Чистые перья», который прошел под эгидой Альянса независимых региональных издателей и представлял собой проект-инициацию обращения практиков к практикам. В эмпирическую базу вошли данные мониторинга по определенной методике ряда популярных печатных СМИ пяти российских регионов, а также данные анкетирования экспертов, результаты их встреч за «круглым столом» и на скайп-конференциях. Одним из итогов наших наблюдений как участника проекта за позициями журналистов и СМИ стал вывод о том, что сегодня журналисты могут заявить о себе «на равных» с системой только через скандал. В качестве характерного примера выступило «дело Резника» в Ростовской области, когда журналист, блогер за публичное оскорбление должностных лиц получил срок в колонии. Нами был также сделан вывод о том, что у такого способа самоутверждения есть последствия, негативные для гражданской журналистики. Как общественная деятельность она существует только «во имя». Частные стратегии скандальных авторов подрывают ее основания [5].

Тема противоречия субъектных позиций журналиста и СМИ нашла неожиданное продолжение три года спустя. В конце июня 2017 г. в Общественную коллегия по жалобам на прессу обратились 28 членов Ассоциации «Свободное слово». В их жалобе говорилось о том, что 19 июня 2017 г. на портале ИА REGNUM было опубликовано интервью журналиста Сергея Гуркина с нобелевским лауреатом Светланой Алексиевич «“Вы просто набор пропаганды”: Запрещенное и откровенное интервью Алексиевич» несмотря на ее прямой запрет делать это. «Интервьюируемая не была поставлена в известность, что дает интервью для портала Regnum и не давала своего согласия на публикацию. Сергей Гуркин, которого представил писательнице их общий зна-

комый, брал у нее интервью для издания “Деловой Петербург”, в чьей репутации Алексиевич не сомневалась». Заявители считают, что портал REGNUM «сделал все для того, чтобы следствием непрофессиональной журналистской работы стал скандал с пропагандистской подоплекой, а по сути – развязанная против писательницы кампания клеветы и травли». Далее были перечислены материалы, опубликованные порталом в последующие дни. Отмечается, что практически в каждом из них писательницу называют «русофобом», прямо или косвенно (публикуя тут же фото женщин, поднявших руку в нацистском приветствии) обвиняют в нацизме [6. С. 49–65]. Обращаясь к Коллегии с просьбой рассмотреть жалобу и вынести вердикт, заявители поведение Сергея Гуркина расценивают как непрофессиональное: «Аудиозапись разговора не оставляет у нас сомнений в провокативном тоне, изначально взятом журналистом, а купюры, сделанные им при публикации, демонстрируют желание эту провокативность скрыть».

13 сентября 2017 г. состоялось заседание Общественной коллегии по жалобам на прессу, по итогам которого было принято Решение № 168. По заданию Коллегии нами подготовлено «Мнение эксперта» [6. С. 59–65]. К этому документу мы и будем обращаться. Основной вопрос, на который необходимо было ответить эксперту: Содержатся ли в публикации «“Вы просто набор пропаганды”»: запрещенное и откровенное интервью Алексиевич» и сопутствующих ей материалах нарушения профессиональной этики журналиста? Предварительно нами была произведена сверка на соответствие аудиозаписи интервью, которая представлена на портале ИА REGNUM, и его текстовой версии. Различий, которые бы нарушали документальность текста, выявлено не было. Интервью охарактеризовано нами как нестандартизированное (вопросы собеседнице заранее не представлены). Проведено оно в виде спонтанно складывающейся беседы, т.е. когда участники разговора выступают на равных. Хотя ведущим диалога все же являлся журналист, скрытых провокационных намерений дискурс-анализ текста не выявил.

В первом выводе проведенного нами кейс-исследования было отмечено, что удачная, с нашей точки зрения, попытка диалога между двумя персонами с принципиально различными точками зрения была скомпрометирована порядком дискурса жесткого идеологического противостояния. Поясняя сказанное, мы обратили внимание членов Общественной коллегии на то, что своеобразие и новизна беседы

Гуркина как творческого произведения обеспечивается тем, что автору удалось сохранить в процессе всего разговора заявленное в его начале ролевое соответствие собеседников. Частота ряда используемых лексем позволила заключить, что по заданной теме в картине мира Светланы Алексиевич основными персонажами являются «мы» и «вы», т.е. общности. Тогда как авторский образ журналиста индивидуализирован. Суждения собеседницы о политике и культуре в целом как бы «натываются» на критичные реакции конкретного человека. Журналисту удалось остаться в этой роли, не поддаться задаваемой собеседницей высокой тональности, не перейти на системный уровень противостояния «мы – вы».

С нашей точки зрения, таким образом баланс сторон был соблюден. С одной стороны – сила эмоционального слова «от имени» общностей, сила масштабных обобщений. С другой стороны – слово как бы обороняющегося индивидуума, сила позиции которого обеспечивается тем, что это слово по результату предстает творческим приемом автора. Все это придало беседе нужную динамику, создало в ней привлекательное внутреннее напряжение, которое по ходу интервью не снижалось, а наоборот, росло. Его кульминацией стало последнее высказывание собеседницы: «Вы знаете, мне не нравится наше интервью, и я вам его запрещаю печатать». Нельзя было не отметить, что свою ноту добавило гендерное различие участников разговора. В представленном Коллегии «Мнения эксперта» мы заключили, что беседу Сергея Гуркина со Светланой Алексиевич необходимо классифицировать не как информационное интервью, а как интервью-портрет. Созданный в нем образ писательницы по не теряющей своей актуальности теме «О времени и о себе» необходимо воспринимать целостно, во всей его противоречивости, с тревогами, фобиями героини, с ее болью за судьбы общества.

Однако включение интервью в информационный поток, который структурирован вокруг острой идеологической борьбы по принципу «стенка-на-стенку», придало творческому произведению совсем другой смысл. Он заявлен уже в подводке редакции, которая предвосхищает начало беседы, а также отражен в заглавии. С нашей точки зрения, автором первой его части (название которой звучало бы так: «Светлана Алексиевич: “Вы просто набор пропаганды”») мог бы выступить журналист, внутренне настроенный на выполнение «социального заказа» на политизацию темы. А вторая часть «Запрещенное и откровенное интервью Алексиевич» – обеспечена редакцией. Это уже

нечестный ход, медиаконъюнктура: «запрещенное» – пища для обывателя. В речи писательницы – «человека русской культуры», у которой «отец – белорус, а мать – украинка», – немало утверждений, которые в ходе дальнейших интерпретаций можно было бы развернуть в пространство актуальной темы сохранения целостности человека в эпоху, которая «рвет его на части». Но медиа выбирают отработку «частей». Политическая утилизация высказываний героини не может не изменить подразумевавшиеся ею смыслы. Появившаяся вдруг возможность диалога с оппозицией принесена в жертву хорошо продаваемому конфликту.

Во **втором выводе** нашего кейс-исследования нами было указано, что запрет на публикацию интервью не должен быть запретом на тему, если она имеет общественную значимость. В свете этического подхода ни у какого источника информации (в нашем случае таковым выступает интервьюируемый) нет особых прав, позволяющих ему определять, что надо публиковать, а что – не надо. Вместе с тем интервью-портрет предполагает контакт с героем публикации и на последних стадиях подготовки текста. Контакта не было не по вине журналиста.

В пояснении к данному выводу отмечено: обращаясь к этическим нормам в работе с источниками информации, теоретики журналистики указывают на то, что особо внимательно надо отнестись к интервьюируемым, когда они произносят «Это не для печати» [7. С. 94], т.е. однозначности в данном вопросе нет. Это связано с тем, что соглашение журналиста с запретом собеседника интервью на его публикацию само по себе не представляет самостоятельной профессионально-этической нормы. Необходимо определить возможную причину запрета, на которую указывают затрагиваемые интересы героя публикации. Причина может быть и субъективной, и объективной (в последнем случае она закреплена в существующих нормах, которые стоят на страже «защиты свидетеля», «невмешательства в частную жизнь», «защиты чести и достоинства» и т.д.). Если причина запрета субъективная («Вы знаете, мне не нравится наше интервью...»), журналист разрешает противоречие интересов, руководствуясь значимостью поднимаемой в материале темы (проблемы). Если тема реально является острой и нужной обществу, публикация автором добытого им материала, несмотря на запреты статусных лиц, препятствия иного характера, т.е. публикация «вопреки», рассматривается деонтологией журналистики как «доблесть профессионала». На этом держится этос данного рода ремесла.

Определение значимости / незначимости темы произведения входит в перечень общепрофессиональных компетенций журналиста [8]. Такова мировая практика. В случае со Светланой Алексиевич корректным было бы обсуждение с ней подготовленной к печати версии. Однако сам ход интервью показал невозможность этого. Практика поведения медиаорганизаций в лице СМИ подтвердила интуитивные опасения обеих сторон. Теория социальной ответственности прессы исходит из того, что журналистика – это не «сервисная служба» [9]. Сергей Гуркин заявил о себе в интервью как личность, которая беседует с нобелевским лауреатом «на равных», т.е. таким образом он определил для себя сферу ответственности в целом. Он своим решением продемонстрировал, что не относится к ряду «статистов», которых редакция отправляет выполнить задание «от сих до сих» и которые готовы по первому требованию бросить в корзину эксклюзивный итог своего труда. С нашей точки зрения, то, что у журналиста есть своя позиция, не должно входить в противоречие с этикой профессии.

В **третьем выводе** отмечено, что серию следующих за интервью с нобелевским лауреатом публикаций на портале ИА REGNUM необходимо рассматривать в единстве, как одну кампанию. Кампания является маркетинговой по форме и политической по сути. Ее цель – «разоблачение противника». «Противник» сконструирован в ходе кампании. Ценой травли писательницы массовой аудитории вновь продана тема «наших – не наших» и тема русофобии. В силу того, что публикации как элементы кампании подготовлены заведомо «против», ими нарушен основополагающий этический принцип журналистской объективности. Интервью Сергея Гуркина «благодаря» действиям редакции ИА REGNUM получило смысл, связанный с политической конъюнктурой. Попытка очень нужного для общества диалога с оппозицией была провалена.

В пояснении к выводу указано, что первым элементом затеянной кампании выступает интервью Гуркина, которое с помощью заголовка и подводки редакции переформатировано для вставки в заданный смысловой контекст. Заголовком публикации, как известно, расставляются нужные акценты, выводится доминирующий смысл. Расстановка смысловых акцентов – это известно любому медиапрофессионалу – дело «рукотворное», творческое. Что вынес в первые строчки, тем читатель и будет руководствоваться. Редакция ИА REGNUM вынесла идею противостояния «противников»: «*Вы просто набор про-*

паганды”: *запрещенное и откровенное интервью Алексиевич*». В соответствии с этим определен смысловой контекст последующих «наступательных» текстов: «разоблачить», «победить».

Временные рамки кампании определяются технологиями обработки массового сознания. Есть заявление скандальной темы; наращивание с помощью предвзятых интерпретаций ее конфликтности; конструирование участников оппозиции; придание ей с помощью апелляции к социальным сетям и медийным авторитетам массового характера; разыгрывание националистической карты; выход на международный уровень; закрепление принципиальности противостояния через апелляцию к моральным ценностям.

– 19 июня 2017 г., 22:53: *привлечение аудитории через конструирование сенсации с намеченным противостоянием* (в дальнейшем интервью будет именоваться «скандальным»). Интервью Гуркина с Алексиевич подано как «запрещенное» («запрет» как банальная интрига, игра с потребителем, уход от существа вопроса).

– 20 июня 2017 г., 21:07: *между собеседниками интервью выстроена конфликтная оппозиция*. Ее стороны получили номинации. Об Алексиевич: «советскость» и «либеральность» – две стороны одной медали, имя которой – русофобия». О Гуркине: «вопросы с патриотических позиций», «герой дня», который принял увольнение из «Делового Петербурга». Прочитрованы его высказывания на личной странице в сети Facebook. Образ непредвзятого интервьюера трансформирован в образ конкретного Гуркина с его конкретными ощущениями: «“Интервью года”: соцсети отреагировали на агрессию Алексиевич. Пользователи соцсетей благодарят Сергея Гуркина».

– 20 июня 2017 г., 23:22: *отрицательный образ «противника» доведен до логического конца*. Произведено передергивание смыслов речевых высказываний Алексиевич, привлечены темы русофобии и нацизма: «Убивать за убеждения допустимо?! Алексиевич уничтожила свою репутацию. Как одно интервью сняло нобелевскую маску лицемерия и показало звериный русофобский оскал. Обзор блогосферы».

– 22 июня 2017 г., 11:53: *углубление созданной оппозиции. Продолжена опасная этнизация темы*. Алексиевич противопоставляется всему Русскому миру. К мнениям из блогосферы и социальных сетей присоединены мнения общественных деятелей: «Русскоязычный нобелиат снизошла до разговора с Русским журналистом».

– 26 июня 2017 г., 10:33: *перевод оппозиции на международный уровень, возвращение к теме нацизма, включение в оппозицию лиц из «писательского цеха»*: «Именно от таких Алексиевич крымчане ушли обратно в Россию. Крымский писатель о демаскировке всего фашистского, что есть в так называемых европейских ценностях, озвученных в скандальном интервью нобелевского лауреата». Писатель Сергей Юхин комментирует интервью Гуркина.

– 28 июня 2017 г., 05:38: *кульминация кампании – масштабное моральное осуждение «противника»*. Переформатированный смысл интервью вновь возвращен к личности Алексиевич. Но теперь уже «вся Россия знает» о ней: «Алексиевич и микрофон. Продвинутая нравственность патентованного гуманиста».

Проблема нетерпимости в российском обществе, проблема роста медианасилия в средствах массовой коммуникации рассматривается гуманитариями в ряду актуальных социальных проблем [10]. Теория социальной ответственности определяет СМИ как инструмент консолидации общества, единения всех сил на основе конструктивного плюрализма мнений [11]. Диалог людей с разными убеждениями, разными мировоззренческими картинками сегодня крайне необходим. Этому диалогу надо учиться, каким бы трудным ни был этот процесс. Вместо этого мы наблюдаем информационную политику, которую можно оценить как «раскачивание лодки». Медиа сделали агентами сиюминутной политической конъюнктуры и борьбы за рейтинги. В данном информационном споре одно СМИ, устранившись от ответственности, «умывает руки» (редакция издания «Деловой Петербург» уволила Гуркина, который не согласился с решением не публиковать интервью), другое (ИА REGNUM) – разворачивает кампанию травли творческой интеллигенции.

Конфликтное обострение этнических мотивов в диалоге с нобелевским лауреатом, привязка диалога к теме нацизма, травля героини через легитимацию интернет-комментариев «агрессивного большинства», – все эти действия со стороны информационного агентства REGNUM получили в подготовленном нами заключении эксперта определение антинациональной политики, нацеленной на социальную разнь. В следующих за интервью Гуркина публикациях на портале ИА REGNUM нами обнаружены нарушения основополагающих правил профессиональной этики журналиста: принципа объективности (непредвзятости, беспристрастности, честности, правдивости, отделе-

ния факта от мнения), принципа защиты чести и достоинства, принципа недопустимости дискриминации по этническому признаку [6. С. 59–69].

Подводя заключительный итог, обратимся к типам субъектности, о которых говорилось в начале статьи. Участие в эмпирическом исследовании СМИ в предшествующие годы убедило нас в том, что журналист с позицией, чтобы быть замеченным на медиаполе, вынужден «творить скандал». На конкретных примерах из регионов мы видели, как противопоставлялась субъектность деятельного актора, озабоченного социальными вопросами, инертной субъектности региональной печати, выступающей системным агентом власти. Рассмотренный информационный спор представляет нам иную картину столкновения интересов. Журналист, не будучи детерминирован идеологическими стереотипами, профессионально выполняет свою работу, однако последующие события придают скандальность его действиям и смыслу подготовленной им публикации. СМИ «Деловой Петербург» и ИА REGNUM выступают системными агентами сложенной на российском медиаполе оппозиции «наши – не наши». Скандал вновь становится универсальным «ключом» к вниманию аудитории. Но самое печальное в этой истории то, что происходит «перекодировка» темы общественного диалога на прямо противоположную. Устойчивый порядок воцарившегося дискурса «безличности» диктует свои правила.

Литература

1. *Дискурсивные практики СМИ* / под общ. ред. Э.В. Чепкиной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.
2. *Лозовский Б.Н.* Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
3. *Анненкова И.В.* Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011.
4. *Бурдые П.* Социология социального пространства: пер. с фр. СПб. : Алетейя, 2013.
5. *Шайхитдинова С.К.* Особенности политической субъектности российских СМИ в ситуации информационной войны // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С. 225–235.
6. *Настольная книга по медийному саморегулированию* / под ред. Ю.В. Казакова. М. : Творческий центр ЮНЕСКО, 2018. Вып. 8.

7. *Основы творческой деятельности журналиста* / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.

8. *Приказ* Минобрнауки России от 07.08.2014 № 951 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика (уровень бакалавриата)». URL: https://mgimo.ru/upload/fgos/420302-fgos-vpo-bac_jurnalist.pdf (дата обращения: 10.08.2017).

9. *Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы* / под ред. Ю.В. Казакова. М. : Медея, 2004.

10. *Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И.* Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М. : Academia, 2014.

11. *Мы – сограждане* (СМИ и общество) / под общ. ред. Л.И. Семиной. М. : BONFI, 2002. Т. 2.

A JOURNALIST IN THE DISCOURSE OF MEDIA: DETERMINISM OR POSITION? (A CASE STUDY OF INFORMATIONAL ARGUMENT AROUND SERGEY GURKIN'S INTERVIEW WITH SVETLANA ALEXIEVICH)

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 46–59.

Svetlana K. Shaykhitdinova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Svet1206@yandex.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/4

Keywords: journalism, mass media, subjectivity, personal position, press complaints, scandal.

The paper substantiates the need to distinguish the types of agency in the media field. Most of the media are systemic agencies of passive agents of ideological discourses. Editorial staff is subject to this trend. However, there are authors who demonstrate the agency of rational actors with a strong personal position. The way different types of agency manifest themselves in media texts is shown in the case study of an informational argument around Sergey Gurkin's interview with Svetlana Alexievich.

These days, the policy of the modern Russian media is biased by its ideological predilections. The interview marked the beginning of the public persecution of the Nobel laureate on REGNUM News Agency's website. Many public figures condemned the journalist. As an expert of the Public Collegium on Press Complaints, the author prepared a conclusion that formed the basis of this paper.

In this study, the author came to the conclusion that the media became agents of the short-term political conjuncture and the struggle for ratings. In this informational argument, one medium "washes its hands" in the desire to avoid responsibility; the other launches a hate campaign against the creative intelligentsia. The audience divided into two camps. Some believe that the journalist was ideologically determined and behaved unethically. In their opinion, he as the author deliberately sought to increase his popularity. Others justify his actions. The author of the paper believes Gurkin proved himself to be a journalist with a civic position confident that his interview was socially

significant. Indeed, the publication could be an example of a dialogue with a dissenter. However, REGNUM News Agency “recoded” the constructive meaning of the journalist’s work through subsequent publications. The good deed was turned into a scandal.

References

1. Chepkina, E.V. (ed.) (2009) *Diskursivnyye praktiki SMI* [Discursive media practices]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Lozovskiy, B.N. (2011) *Kto i kak manipuliruyet zhurnalistami: Manipulyativnyye tekhnologii vliyaniya na sredstva massovoy informatsii* [Who manipulates journalists, and how one does it: Manipulative technologies of influence on the media]. Yekaterinburg: Ural State University.
3. Annenkova, I.V. (2011) *Mediadiskurs XXI veka: Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI* [21st-century media discourse: the linguo-philosophical aspect of media language]. Moscow: Moscow State University.
4. Bourdieu, P. (2013) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Translated from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Shaykhitdinova, S.K. (2014) Osobennosti politicheskoy sub'yektnosti rossiyskikh SMI v situatsii informatsionnoy voyny [Features of the political subjectivity of the Russian media in the situation of information warfare]. *Vestn. ekonomiki, prava i sotsiologii*. 3. pp. 225–235.
6. Kazakov, Yu.V. (2018) *Nastol'naya kniga po mediynomu samoregulirovaniyu* [Handbook on media self-regulation]. Is. 8. Moscow: Tvorcheskiy tsentr YuNESKO.
7. Korkonosenko, S.G. (ed.) (2000) *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista* [Fundamentals of the creative activities of a journalist]. St. Petersburg: Znaniye, SpBIVESEP.
8. Ministry of Education and Science of Russia. (2014) *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 07.08.2014 № 951 “Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 42.03.02 Zhurnalistika (uroven' bakalavriata)”* [Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 951 of 07.08.2014 “On approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Direction 42.03.02 Journalism (for Bachelors)”. [Online] Available from: https://mgimo.ru/upload/fgos/420302-fgos-vpobac_jurnalist.pdf. (Accessed: 10.08.2017).
9. Kazakov, Yu.V. (ed.) (2004) *Professional'naya etika zhurnalista: Dokumenty i spravochnyye materialy* [Professional ethics of a journalist: Documents and reference materials]. Moscow: Medeya.
10. Dzyaloshinskiy, I.M. & Dzyaloshinskaya, M.I. (2014) *Rossiyskiye SMI: kak sozdayetsya obraz vruga: Stat'i raznykh let* [Russian media: how to create an image of the enemy: Articles from different years]. Moscow: Academia.
11. Semina, L.I. (ed.) (2002) *My – sograzhdane (SMI i obshchestvo)* [We are fellow citizens (media and society)]. Vol. 2. Moscow: BONFI.